

С.Ф. Фоминых, А.О. Степнов

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ПОСЛУШАНИЯ И ХАРИБДОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ: КОНФЛИКТ ПРОФЕССОРОВ ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА П.М. БОГАЕВСКОГО И Н.Я. НОВОМБЕРГСКОГО ОСЕНЬЮ–ЗИМОЙ 1911–1912 гг.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00121).

В статье на материалах архивных документов и периодической печати исследуется конфликт между профессорами Императорского Томского университета П.М. Богаевским и Н.Я. Новомбергским осенью–зимой 1911–1912 гг. Подчеркивается перформативность этого конфликта, развернувшегося в провинциальных декорациях и ставшего своеобразной сценой из теневой повседневности университетского города. Делается вывод, что его главным «отягчающим» фактором стала этическая неопределенность внутри профессорской корпорации, внутренняя жизнь которой была отмечена противоречивым влиянием одновременно как официозной, так и «демократической» тенденций.

Ключевые слова: профессора; конфликт; Томский университет; П.М. Богаевский; Н.Я. Новомбергский.

24 сентября 1911 г. исправляющий должность ординарного профессора по кафедре государственного права Томского университета П.М. Богаевский отправился в Ямской переулок, где располагалось здание редакции местной газеты «Сибирская жизнь». Дойдя до почтово-телеграфного отделения, профессор изменил свои планы. «В эту минуту, – вспоминал он, – я почувствовал, что не буду в состоянии остаться достаточно спокойным в редакции газеты, выходка которой против меня имеет место уже не в первый раз» [1. Л. 47].

Тогда Богаевский направил в редакцию письмо, опровергавшее представленную на страницах выпуска «Сибирской жизни» от 24 сентября компрометирующую его информацию. Вслед за этим он справился у своего адвоката И.И. Кузнецова о возможности «возбудить против газеты судебное преследование за клевету». Спустя три дня после телефонного разговора с присяжным поверенным М.Р. Бейлиным у профессора появились основания подтвердить свои подозрения – «редакция получила сведения от “профессора”, которому не имела оснований доверять». Инженер А.А. Жемчужников, знакомый Богаевского, присутствовавший в те дни в редакции газеты, с удивлением обнаружил в компании редактора В.М. Крутовского этого «профессора». Им был коллега П.М. Богаевского ординарный профессор по кафедре полицейского права Н.Я. Новомбергский.

Так начинался очередной, не первый и не последний, конфликт в академическом сообществе старейшего научного центра Северной Азии. «Сатирический» подтекст этого конфликта определялся его закулисным характером, особой ролью в нем слухов и пересудов и вместе с тем – публичной составляющей. М.В. Новикова и Т.Б. Перфилова в своей статье отмечают, что конфликты среди профессоров российских университетов во второй половине XIX в. были связаны с неопределенностью культуры поведения [2. С. 25], а А.В. Свешников подчеркивает, что «конфликты и скандалы в среде интеллектуалов традиционно вытеснялись из поля рефлексии научного сообщества» [3].

Мы обращаемся к конфликту двух профессоров Императорского Томского университета, что в целом

углубляет наше восприятие конфликтов отечественных ученых дореволюционной эры. Предлагается уделить внимание «отягчающим» факторам конфликта, ранее не рассмотренным глубинным истокам конфликтологии высшей школы, касающихся этической «раздвоенности» внутри ее корпорации.

В исследуемой истории мы увидим тенденции, противоположные тенефикации околоакадемических контроверз. И связывается это с духом провинции и особенностями «окраинного» существования. Конфликт, который развивается по принципам театрального представления, где зрителями стали как жители далекого сибирского города, так и столичные чиновники просвещения; перформативный аспект теневой повседневности научного сообщества; «жестикюляция» академических противоречий, таким образом, выходят в центр настоящего исследования. Характерны в этом смысле и декорации «представления», действия которого по большей части разворачивались в частных квартирах, закрытых кабинетах без протоколов, а также в преподавательском ватерклозете главного корпуса первого в Сибири классического университета.

Предыстория конфликта связана с событиями, предшествовавшими выше описанному эпизоду. В 1910/11 учебном году на юридическом факультете Томского университета дважды состоялись выборы декана. В первый раз, осенью 1910 г., на эту должность был избран профессор И.А. Малиновский. Затем, в феврале 1911 г., – выпускник этого же университета М.И. Боголепов. Однако обе кандидатуры не были утверждены Министерством народного просвещения. Это было время, когда ведомство возглавлял Л.А. Кассо, политика которого по ограничению академической автономии хорошо известна. В случае с И.А. Малиновским очевидна политическая мотивация не-утверждения. Профессор в 1909 г. опубликовал работу «Кровавая месть и смертная казнь», написанную в поддержку депутатов Государственной думы, выступивших с требованием отмены смертной казни. В следующем году после публикации книги «Русские писатели-художники о смертной казни» Малиновский был обвинен в «возбуждении к бунтовщическим дея-

ниям и к ниспровержению существующего строя». Дело имело общественный резонанс: в поддержку ученого, в частности, выступил Л.Н. Толстой. 4 октября 1911 г. Малиновский был уволен из профессоров Томского университета. Отметим, что позднее, в сентябре 1912 г., он был приговорен к тюремному заключению на 1 месяц, но вскоре был амнистирован по случаю празднования 300-летия Дома Романовых [4. С. 162]. Менее тенденциозным выглядит отклонение кандидатуры М.И. Боголепова, который еще со студенческих лет выступал как публицист. Оба профессора в исследуемом конфликте сыграли свою пассивную роль.

Данные события закономерно вызвали смятение в среде университетских профессоров. Одно время предлагалось сообщить министру, что «вследствие отсутствия кандидатов, желающих баллотироваться, выборы могли не состояться» [5. 1911. 13 сент.]. Начались разговоры о назначении декана министерством. И разворачивались они при напряженной в то время политической обстановке, преимущественно вне официального поля.

Все же местная пресса не осталась безучастной. В конце сентября 1911 г. в «Сибирской жизни» без ссылки на источник были приведены якобы слова П.М. Богаевского, сказанные «уже по закрытии заседания»: «Если выборы декана не могут состояться, и дело идет к назначению декана министром народного просвещения, то могу вам сообщить, что назначен деканом буду я». «Интересно было бы знать, что подало повод профессору Богаевскому говорить так уверенно о своем назначении?» – задавался красноречивым вопросом автор заметки [Там же. 24 сент.].

Конфликт, который имел потенциал развития в политическом русле, быстро отклонился от первоначального курса. То, что могло вылиться в противостояние профессуры и власти, воли к автономии, с одной стороны, и стремления к ее подавлению – с другой, обернулось «кулуарной битвой». Конфликт замкнулся на самом себе.

Упомянутый в газетной заметке разговор действительно имел место. И состоялся он 17 сентября 1911 г. В тот день в ходе заседания юридического факультета П.М. Богаевский для принятия своевременных мер «в интересах обеспечения преподавания» сообщил исполняющему обязанности декана М.Н. Соболеву о «своем возможном уходе из Томска» в связи с избранием на юридический факультет Киевского университета. «Раздражительную» реплику, вскользь брошенную профессором Н.Я. Новомбергским, Богаевский, по собственному признанию, оставил без ответа. Разговор между тремя профессорами продолжился после окончания заседания в уборной, что располагалась в двух шагах от кабинета. Как вспоминал П.М. Богаевский, и.о. декана сказал ему тогда о невыгодности для него «покинуть Томск», после чего «доверительная» беседа зашла о выборах декана [1. Л. 56].

Утром 24 сентября П.М. Богаевский имел честь увидеть заметку о содержании этого разговора в очередном номере «Сибирской жизни». О реакции профессора исчерпывающе можно судить по эпизоду, обрисованному в прелюдии настоящей статьи. Уси-

ливалась эта реакция и тем обстоятельством, что все заседания факультетских советов, по закону, проходили «не публично, а при закрытых дверях». Следовательно, и обнародование деталей этих заседаний в прессе являлось «нарушением закона и гражданского долга», что не могло не привлечь внимание университетской администрации и попечителя [6. Л. 117].

Поскольку профессор М.Н. Соболев «выразил свое глубокое возмущение по поводу газетной заметки», а также уверил цитируемого профессора в своей непричастности к ее составлению, то главным подозреваемым, «автором злонамеренного искажения», по мнению Богаевского, стал не кто иной, как Н.Я. Новомбергский, «который в клозете со стороны прислушивался к разговору с М.Н. Соболевым» [1. Л. 45, 48]. Запомним последнюю формулировку, приведенную в письме П.М. Богаевского на имя и.о. декана от 26 сентября, так как в дальнейшем она станет поводом для обвинений уже в адрес самого Богаевского – со стороны профессора Новомбергского.

Добавим, что в рапорте ректору Императорского Томского университета И.А. Базанову профессор Богаевский представил иную версию разговора. Впрочем, отметим и то, что речь шла не столько о разности смыслов и произнесенных слов, сколько об оттенках сказанного. Так, П.М. Богаевский признал слова, которыми он выразил несогласие с тем, что «декана нельзя назначать (при создающемся на факультете положении)». Подразумевалось, по всей видимости, что профессор не желал того, чтобы назначен был он (кандидатур было всего 9, а потому такая вероятность не была исключена). На реплику Соболева «От назначения всегда можно отказаться» Богаевский ответил, что «отказ всегда тяжел». Профессор подчеркивал, что именно в этот момент прозвучали слова Новомбергского: «Ну, что же, будете назначенным деканом». Петр Михайлович вслед за этим вышел из клозета, «хлопнув дверью» [Там же. Л. 56].

Следует заметить, что чувствительность профессоров по отношению к вопросу об избрании / назначении вполне объяснима. Вне зависимости от политических убеждений, подавляющая часть профессуры стояла на демократических позициях относительно университетской жизни. Автономия на протяжении всего дореволюционного периода была одной из высших ценностей русской профессуры. Отсюда и тот непропорциональный резонанс, который вызвал исходный шаг настоящего конфликта.

Разговор 17 сентября имел две разные версии. И хотя версию Богаевского поддержал Соболев, истинность сказанного восстановить трудно: все, что происходит в университетской уборной, остается в университетской уборной. Но именно недостижимость этой истины становится для нас предметом рассмотрения. В над-истинном пространстве развивалось действие конфликта профессоров Богаевского и Новомбергского. Впрочем, вскоре в него были вовлечены и другие почтенные профессора.

В 20-х числах сентября М.Р. Бейлин в своей квартире принял профессора по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства, бывшего депутата Государственной думы и впоследствии профессора

Петербургского университета Н.Н. Розина, а также П.М. Богаевского. Бейлин уговаривал последнего «изменить редакцию опровержения», сообщить через газету, что 17 сентября действительно состоялся разговор, но «неверно переданный газетой». Богаевский выразил желание, чтобы такое письмо написал главный свидетель М.Н. Соболев. И.о. декана отказался от этого [1. Л. 50].

Тогда же Бейлин сообщил, что в редакции имеется письмо Н.Я. Новомбергского, подтверждающее подлинность газетного сообщения от 24 сентября. Сам Новомбергский охотно делился деталями, вымышленными или реальными, разговора в клузете 17 сентября со своими коллегами по факультету, в частности и с профессором И.В. Михайловским. «С моей стороны не было большой смелостью высказать предположение прикосновенности г. Новомбергского к напечатанному в № 211 “Сибирской жизни”», – отмечал Богаевский в рапорте ректору [Там же. Л. 54].

Профессор П.М. Богаевский, будучи опытным юристом, проявлял формальную осторожность: имя Николая Яковлевича не прозвучало ни в заявлении на имя и.о. декана от 26 сентября, ни в газетном опровержении. Последнее было опубликовано в «смягченной» форме 30 сентября: «Приписанных мне в № 211 “Сибирской жизни” слов я не говорил и, очевидно, газета была введена в заблуждение» [5. 1911. 30 сент.].

В те дни взаимоотношения профессоров Богаевского и Новомбергского выстроились в недвусмысленной конфигурации, а университетские кулуары все более определенно принимали вид «школы злословия». Произнося свои реплики, Петр Михайлович не считал излишним в присутствии коллег выражать опасения, «что и эти слова попадут на столбцы “Сибирской жизни”». В своих заявлениях профессор сетовал на ответную реакцию Новомбергского: тот, по свидетельству Богаевского, делал последнего жертвой «пронизывающих взглядов», продолжая в течение многих дней «свои жесты и пассы глазами» [1. Л. 58].

Не лишенным остроумия, довершающим карикатурность развернувшейся ситуации, выглядит комментарий ректора университета профессора И.А. Базанова, который в одном из рапортов попечителю Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьеву отметил, что «взгляд профессора Новомбергского и в обычных условиях довольно пристальный, особенно же когда он сосредоточенно думает» [7. Л. 18].

Вскоре, 29 сентября, столкновение взглядов и реплик вылилось, без преувеличения, в «гоголевскую» сцену, изложенную во втором заявлении П.М. Богаевского на имя и.о. декана (от 30 сентября). Она станет достойной эталоном сценой теневой повседневности театра академических конфликтов. В тот день в комнате профессоров Н.Я. Новомбергский решил, судя по всему, продемонстрировать всю силу своей «безгласной» манипуляции. «Профессор Новомбергский, – вспоминал Петр Михайлович, – вперил в меня пристальный взгляд и смотрел настолько вызывающе, что я вынужден был повернуться в пол-оборота от него. Тогда профессор Новомбергский с шумом перешел через всю комнату, сел прямо против меня и возобно-

вил свои жесты с еще большей интенсивностью. Я не выронил по отношению к нему ни одного слова» [1. Л. 58]. Свидетелем этой картины стал профессор И.А. Малиновский. Обращаясь к последнему, Богаевский нарушил тишину в кабинете: «Будьте, Иоанникий Алексеевич, свидетелем, если придется жаловаться в суд». Наконец, сцена достигла своей высшей точки. После сказанного Николай Яковлевич «разразился громким криком», «произнес ряд ругательств» по адресу Богаевского, «указывая при этом на якобы неправомерность» его опровержения в «Сибирской жизни». «Профессор Новомбергский, – писал Богаевский, – выкрикивал, что я должен знать, что для него, Новомбергского, я умер навсегда. Тем не менее слова “хулиган”, “погромщик” “проституция” (не помню и не понял, в каком контексте), “бывший помощник инспектора”, “директор дворянского пансиона, от которого дети спасались в полицейском участке” – выкрикивались профессором Новомбергским, набрасывающимся при этом на меня с кулаками» [Там же. Л. 59].

Отметим, что, по свидетельству коллег, Н.Я. Новомбергский и в иных ситуациях не скупился на «крепкую» лексику. Так, тот же Богаевский вспоминал, как во время заседания Совета университета осенью 1909 г. «один из членов Совета в речи профессора Н.Я. Новомбергского был сравнен со “Старухой Изергиль”» [6. Л. 14]. Позднее сетовал на невежливость и «площадную брань» Новомбергского и профессор Г.Г. Тельберг – во время другого конфликта на том же факультете весной–летом 1917 г. [8. Л. 57].

Можно позавидовать щепетильности П.М. Богаевского, который все эти подробности изложил в официальной документе. Он действительно с 28 марта 1906 г. до сентября 1908 г. служил директором Петровско-Александровского пансиона-приюта в Москве. Подробности насчет детей-беглецов, естественно, неизвестны. Это и не столь важно, поскольку, повторим, конфликт – это столкновение субъективных реальностей, где истина находится вне поля дискурса. Отсюда вытекает и снизившееся значение слов, в том числе зафиксированных свидетелями и документально. Разве для юридических практиков трудно опровергнуть слова? Отсюда и «двойственность» фактов, и особая роль безмолвности и «жестикюляции». Под последней П.М. Богаевский подразумевал те самые «пронизывающие взгляды», безмолвие как способ выражения невыразимого, или того, что в словах всегда может быть опровергнуто. «Жестикюляция» в конфликте становится главным и самым опасным инструментом. Быть может, именно поэтому Н.Я. Новомбергский в своем послании ректору от 7 декабря дважды, описывая свои шаги в конфликте, подчеркнул: «Без всяких жестов» [1. Л. 95–102].

Обратимся же и к противоположной субъективной реальности – к словам профессора Новомбергского. Николай Яковлевич дал не самую лестную моральную оценку своему противнику, подчеркивая, что в факультетской жизни П.М. Богаевский занял особое место не своими умениями, не количеством работ, не преподавательской активностью, а «своим поведением». «Благодаря истерической настойчивости профес-

сора Богаевского, – писал Новомбергский, – малейшее разногласие с ним выросло в скандальное личное столкновение». Петр Михайлович в изложении своего коллеги предстает перед нами «склонным к дрызгам» возмутителем порядка, чья «распоясанность» достигла «изумительных пределов», жертвами которой стали почти все члены факультета. По словам Новомбергского, профессор Богаевский мог позволить себе угрозы «вышвырнуть вон из комнаты», «дать в морду», «побить». «Угрозы члену факультета обычно сопровождали его разговоры в профессорской комнате или в лектории», – подчеркивал Н.Я. Новомбергский. И далее: «Я не ошибусь, если скажу, что профессор Богаевский обнаружил один бесспорный талант – загрязнять профессорские собрания» [1. Л. 95–96].

Профессор Новомбергский не стал отрицать свою приверженность версии разговора 17 сентября, изложенной в публикации на страницах «Сибирской жизни», однако подчеркивал, что «редакции заметки о Богаевском не давал». В личном разговоре с Богаевским на попытку объяснения по этому поводу он ответил недоуменным вопросом: «А разве нельзя рассказывать об этом?» [Там же. Л. 46]. Более того, Новомбергский оказался последовательным в своих обвинениях, отмечая в объяснении ректору: «Профессор Богаевский решил ограничиться клозетным хвостовством и в печати не посмел подтвердить своего признания... Из уборной профессор Богаевский не пожелал выйти в чистоплотном виде». «Трусливой ложью» он признал заявление о своей роли «подслушивающего» в разговоре, состоявшемся 17 сентября. «Я утверждаю, – писал он, – что не подслушивал, а был одним из троих разговаривающих» [Там же. Л. 38].

Узнав от редакции «Сибирской жизни» о подозрениях Богаевского, Новомбергский вскоре оказался в профессорской комнате в компании с Петром Михайловичем. Это было 28 сентября. И в рассказе Новомбергского мы видим другую картину – более героическую, чем экспрессивную. По его словам, свою отвлеченную фразу Богаевский увенчал недвусмысленной репликой: «Жаль, что разговор мой происходит не в клозете, а то стало бы известно “Сибирской жизни”». Реакция Новомбергского последовала незамедлительно. «Я встал и быстро подошел к профессору Богаевскому, – писал он. – Он откинулся на спинку кресла с растерянным видом, как бы опасаясь удара по лицу. Это движение я заметил с чувством гадливости, но, без всяких жестов, сказал ему следующее: “Богаевский, я Вам запрещаю быть хулиганом в этой комнате. Здесь или готовятся к лекции, или отдыхают после лекции. Пора перестать быть факультетским погромщиком. Помните!”» [Там же. Л. 97 об.].

На следующий день, 29 сентября, как ясно уже из выше изложенного, к удивлению Новомбергского, ситуация повторилась. По прочтении своей лекции о Финляндии, Петр Михайлович высказал в том же духе свои опасения о возможности попадания сведений на страницы местной газеты. После пристальных, «без всяких жестов», взглядов Новомбергского, по версии последнего, Петр Михайлович позволил себе вслух усомниться в психическом здоровье своего

коллеги. «Я подошел к профессору Богаевскому, – продолжал Новомбергский, – и позволил себе единственный жест, а именно: грозя пальцем, назвал профессора Богаевского целым рядом ругательных (но цензурных) слов, требуя, чтобы он оставил меня в покое, и напоминая, что я умею за себя постоять. Профессор Богаевский растерянно отступил и молчал. Когда ударил звонок, я ушел» [1. Л. 101–101 об.].

Стороннего наблюдателя, вероятно, не могут не поразить подобные нюансы академической жизни. У нас есть все основания развеять миф об этическом кодексе в среде профессоров. Ни этика, ни субординация, ни представления о чести не имеют столь действительной силы, когда речь о борьбе за академическую доминантность, биологичную по своему характеру.

Профессор Богаевский в своем письме декану просил «обезопасить», «оградить себя от насилия» [Там же. Л. 62]. Вскоре он через третьих лиц получил от Новомбергского предложение о товарищеском или третейском суде. Богаевский первоначально от него отказался. 1 октября он принял у себя в квартире профессоров М.Н. Соболева, Н.Н. Розина и М.И. Боголепова. Предметом разговора стали возможные пути преодоления конфликта. Богаевский писал позднее: «Сколько я ни указывал, что основания к предположению авторства Новомбергского велики, что, в конце концов, я ограничивался одним предположением, что Новомбергский, если он чувствовал себя виноватым, должен был бы сразу сказать об этом, что, наконец, рядом с моим “преступлением”, – которое мне напоминает вола в басне, съевшего в голодный год клоч сена, – существует глубоко возмутительный поступок “профессора”, тенденциозно сотрудничающего в “Сибирской жизни” и чернящего в глазах местного общества своих товарищей ложными сообщениями, – несмотря на все это, пришедшие ко мне с предложением уладить инцидент гг. Соболев и, особенно, Боголепов напали на меня, совершенно игнорируя вопрос о заметке в газете. Я чувствовал, что пришли не друзья, а, – решаюсь сказать, – так как я это действительно чувствовал, враги, настроенные против меня лично. Я дал им понять это, сказав, что при данных условиях затруднился бы признать полезным третейский суд, который, по-видимому, явится лишь средством для создания шума» [Там же. Л. 61–62].

По завершении встречи П.М. Богаевский отказался от дальнейших действий по эскалации конфликта. Своему заявлению на имя декана от 30 сентября, в котором, в частности, просил сообщить о сложившейся на факультете ситуации ректору [Там же. Л. 59], профессор попросил «не давать хода». Отказался он и от обращения в суд за оскорбления и клевету. Коллеги профессора признали этот исход вполне приемлемым и были, по всей видимости, полностью удовлетворены. Петр Михайлович поддался иллюзии того, что положен конец «этому невыносимому состоянию» и, преодолевая обиду за нанесенные оскорбления, «исполнил то, что обещал, и забыл о существовании г. Новомбергского» [Там же. Л. 63].

Месяц спустя на страницах московской газеты «Русское слово» и петербургской газеты «Речь» была

опубликована анонимная телеграмма из Томска под выразительным заголовком «Донос профессора на товарища». В ней говорилось: «Профессор Богаевский донес декану юридического факультета, будто профессор Новомбергский возбуждал против студентов по поводу лекции о Финляндии. Узнав об этом, профессор Новомбергский подал жалобу в суд, обвиняя Богаевского в клевете в официальной бумаге» [9. 1911. 3 нояб.; 10. 1911. 4 нояб.]. На П.М. Богаевского ложилась тень «доносительства», что было мало совместимо с чистой корпоративной репутацией русского профессора.

Петр Михайлович узнал об этом 10 ноября из письма своей матери, жившей в Москве. Тогда же он понял, что содержание двух его заявлений декану (от 26 и от 30 сентября) стало известно Н.Я. Новомбергскому. Ранее мировому судье 5-го участка через присяжного поверенного М. Михаловского была подана жалоба профессора Новомбергского. Последний просил привлечь к уголовной ответственности П.М. Богаевского за оскорбительную «для чести и доброго имени» клевету в официальной бумаге. В качестве доказательств были использованы заявления Богаевского от 26 и 30 сентября 1911 г. Свидетелями Новомбергский избрал участников встречи 1 октября в квартире Богаевского, а также присяжного поверенного М.Р. Бейлина.

Политический аспект фигурирует в настоящем конфликте как триггер, к тому же ложный. Упомянутая неоднократно патриотическая лекция П.М. Богаевского о Финляндии заслуживает внимания с точки зрения не столько содержания, сколько самой тематики. «Финляндский вопрос, – писал Новомбергский, – один из наиболее жгучих вопросов внутренней политической жизни, и всякая политическая агитация со стороны профессора, тем более антинациональная, составляет прямое нарушение служебного долга» [1. Л. 69–70]. «Я обвиняю» в версии профессора Новомбергского стало бескомпромиссным обличением Богаевского, «взбравшегося на валунную Финляндию в качестве патриота». «Ни одного слова я не беру назад», – заявлял Н.Я. Новомбергский [Там же. Л. 102].

Указание на комический эффект всего происходящего едва ли выглядит преувеличением. Патетические нападки Николая Яковлевича контрастно оттеняются словам Петра Михайловича: «Решительно не понимаю, – писал он ректору, – откуда возникло обвинение меня в произнесении слов о том, что профессор Новомбергский вооружает студентов на почве читаемых мною патриотических лекций о Финляндии. Мне никогда и в голову не приходило ничего подобного...» [Там же. Л. 71]. Впоследствии ректор университета признал, что «не имелось ни одного документа», подтверждающего эти обвинения профессора Новомбергского по адресу своего коллеги, а заметки, опубликованные в «Русском слове» и «Речи», были признаны ложными. Комичными выглядят и показания некой Головачевой, которая приписала консервативному по политическим взглядам П.М. Богаевскому реплику: «Все левые профессора падут» [5. 1911. 4 дек.].

Слова теряют свой вес и смысл. Все они, как в карточной игре, перекрываются антисловами и антисмыслами, которые влияют на ход событий. Свои опровержения П.М. Богаевскому предстояло сделать в 5-й камере мирового судьи г. Томска. Суд стал кульминацией нашей истории.

Развивая, в известной мере, провокационное заглавие настоящей статьи, не вполне справедливо по отношению к ее героям было бы упомянуть о попытках «консервации» конфликта, выведению его за пределы университетской жизни и «парадного» дискурса. Так, М.Р. Бейлин в своем письме Н.Я. Новомбергскому от 21 октября отмечал, что всячески старался не доводить дело с газетной публикацией до суда, «ибо не желал рисковать престижем газеты, передающей разговоры из клозетных кулуаров» [1. Л. 51–52]. Профессор Богаевский уже в 1912 г., соглашаясь на прекращение дела, подчеркивал в рапорте ректору: «Над личным интересом должен преобладать вопрос достоинства университета» [Там же. Л. 120].

Наконец, главными лицами, заинтересованными в «погашении» конфликта, оказались представители административных структур, которые после подачи Новомбергским заявления в суд с уголовными обвинениями проявили самое активное участие в деле. Упомянем, к примеру, что те самые добровольцы-посредники в лице М.Н. Соболева, Н.Н. Розина и М.И. Боголепова, которых 1 октября принимал у себя П.М. Богаевский, были уполномочены на это ректором И.А. Базановым. Предложение передать дело из мирового суда в суд третейский принадлежало именно министру народного просвещения Кассо. Тот же Базанов комментировал это следующим образом: «Выносить ссору на рассмотрение мирового судьи, может быть, вчерашнего своего ученика, нет оснований» [7. Л. 19].

Н.Я. Новомбергский не мог не согласиться с предложением министра [1. Л. 82], поставив при этом «условия, для противной стороны совершенно неприемлемые» [Там же. Л. 82, 86]. Добавим, что в официальной переписке с министром попечитель сообщал все подробности конфликта. Л.И. Лаврентьев особенно вызывающими видел со стороны Н.Я. Новомбергского «оскорбления своими приставаниями с упорно выпученными глазами, разного рода жестами, гримасами, криком и целым потоком самых более чем непристойных ругательств». «Ввиду вышеизложенного, – обращался он к министру, – имею честь почтительнейше испрашивать указаний Вашего Превосходительства, как следует поступить с таким профессором и какие меры следует принять, чтобы на будущее время в стенах университета, который имеет высокую честь именоваться ИМПЕРАТОРСКИМ, не могли повторяться сцены, подобные изложенным» [Там же. Л. 85].

Дело так и не было передано в третейский суд [5. 1911. 3 дек.]. И «кульминационное представление» состоялось 3 декабря 1911 г. Слушал дело мировой судья К.М. Попов. М.Н. Соболев, приглашенный на процесс в качестве свидетеля, в связи с отъездом в Москву в камеру суда не явился. Из-за этого присяжный поверенный со стороны П.М. Богаевского

И.И. Лебедев не «счел возможным» слушать дела без столь важного свидетеля – участника разговора в клозете. Основное внимание было уделено допросу упомянутой уже К.Э. Головачевой, слушательницы лекций Богаевского. Заседание было закрыто. Дальнейший разбор дела был отложен до вызова остальных свидетелей [5. 1911. 4 дек.]. Второго заседания, однако, не состоялось.

Затронем перформативный аспект исследуемого конфликта. На всем протяжении его развития он вызывал интерес со стороны не только академических кругов города – профессоров и преподавателей, но и более широких масс: студенчества и городского обывателя. Так, М.Р. Бейлин в одном из своих писем ссылался на свидетельства Крутовского, который заверял, что сведения о реплике Богаевского в клозете доставлены некой дамой, чему, впрочем, трудно было отнестись без иронии [1. Л. 52]. С большим интересом, как упоминал в своей официальной переписке И.А. Базанов, отнеслись к судебному процессу студенты [7. Л. 19 об.]. А газета «Сибирская жизнь» сообщала, что 3 декабря камеру мирового судьи «переполняла» многочисленная публика. «Налицо представители интеллигенции. Сравнительно много дам», – отмечалось в отчете о процессе [5. 1911. 4 дек.]. Лишенные в провинциальном городе громких событий и развлечений, местные жители приняли на себя роль неотъемлемого элемента театрального представления – зрителей. П.М. Богаевский писал в разгар конфликта: «Едва ли можно при самой строгой критике открыть хотя бы малейшее оправдание для предположений грязного свойства, которые, как из ушата с дурной водой, повсюду льются теперь в Томске при разговорах о предстоящем процессе» [1. Л. 61].

Не вдаваясь в подробности и без того затянувшейся истории, отметим, что 20 декабря два главных участника конфликта оказались в Петербурге. Предполагалось, что независимо друг от друга. В тот же день оба были приняты в кабинете министра Кассо. И здесь парирование не прекращалось. Н.Я. Новомбергский позднее заявил, что П.М. Богаевский не числился в списке лиц, «назначенных на 20 декабря к приему министром» [Там же. Л. 118]. Подробности встречи остаются для нас неизвестными. Известно лишь, что Кассо в предложении от 22 декабря заявил Лаврентьеву, что «между названными профессорами в его, министра, присутствии 20 декабря состоялось полное примирение» [Там же. Л. 109]. 3 января 1912 г. об этом сообщила «Сибирская жизнь».

Однако уже 10 января в той же газете было опубликовано опровержение «примирения» под авторством профессора Н.Я. Новомбергского. Последний подчеркнул, что оказался в кабинете министра совсем по другому делу: речь шла о ходатайстве весенней командировки. Присутствие же во время встречи профессора Богаевского стало для него, вероятно, сколь неприятным, столь и неожиданным. Новомбергский писал о том, что договоренность его с министром и Петром Михайловичем касалась только прекращения судебного преследования последнего: в ответ на опровержения со стороны Богаевского никогда не сказанных им слов о «возбуждении студентов

на почве прочитанных им патриотических лекций о Финляндии». Новомбергский завершил свое сообщение следующими словами: «О примирении не было и не могло быть речи. Никакими словами примирения или рукопожатиями я и профессор Богаевский не обменивались. Мое отношение к профессору осталось прежним» [5. 1912. 10 янв.]. Это же письмо было напечатано в местной газете «Утро Сибири» [11. 1912. 11 янв.]. В тот же день на страницах «Русского слова» была опубликована заметка «Примирение профессоров», в которой приводились схожие слова Новомбергского: о том, что «война» не окончена [9. 1912. 10 янв.].

«Неугомонный профессор Императорского Томского университета г. Новомбергский, – писал вскоре после этого в Министерство народного просвещения Л.И. Лаврентьев, – учинивший возмутительный скандал в здании этого высшего учебного заведения и перенесший затем этот скандал в камеру мирового судьи, до сих пор еще никак успокоиться не может и желает, по-видимому, продолжать затеянную им гнусную историю без конца». Попечитель тогда избрал для Н.Я. Новомбергского «другой круг деятельности, более соответствующий его характеру и способностям» [1. Л. 109].

Если применить традиционные моральные критерии по отношению к этой «скверной» истории, то можно признать, что и по риторике, и по предъявляемому, вполне оправданному, претензиям, и по общему тону заявлений и рапортов, то самое «поведение» профессора П.М. Богаевского, благодаря которому, как писал Новомбергский, он занял особое положение в факультетской жизни, выглядит более в равной мере как достойным, так и заслуживающим сочувствия в сравнении с его оппонентом. Способствуют этому сочувствию и личные качества профессора Богаевского. Как отмечал И.А. Базанов, Петр Михайлович, будучи вспыльчивым по натуре, в то же время был «чрезвычайно сердечным, незлобным товарищем» [7. Л. 19].

Однако, как писал классик, победитель не получает ничего. Кодекс академического бесчестия задает особые правила игры. Одна из последних попыток оправдаться была зафиксирована в рапорте профессора П.М. Богаевского на имя попечителя Западно-Сибирского учебного округа. В нем он последовательно повторил, что отрицает обвинения в доносе и что соглашается на прекращение дела только для сохранения лица университета. Угадывается депрессивный тон в других его январских рапортах. 16 января, обращаясь к ректору Томского университета, Петр Михайлович писал: «В течение осеннего полугодия на меня была направлена ожесточенная травля со стороны нескольких профессоров-юристов, а также группы лиц из состава редакции газеты “Сибирская жизнь”». Памятуя о заметках Новомбергского в печати, Богаевский писал: «Создается прямо невыносимое положение. С одной стороны, не позволив себе ничего хоть сколько-нибудь похожего на возводимые на меня обвинения, я вынужден молчаливо присутствовать при все возрастающей деятельности лица, желающего мне зла и не стесняющегося в средствах, что-

бы причинить мне зло. С другой стороны, согласившись ради достоинства университета на прекращение дела, возбужденного против меня, могу только убеждаться, как это достоинство попирается лицами, злоупотребляющими моим сдержанным отношением» [1. Л. 120, 122, 122 об.].

Ранее, 10 января 1912 г., газета «Сибирская жизнь» сообщила: «Вопрос о переводе профессора Богаевского в Киевский университет решен в Петербурге, как нам достоверно сообщают, в утвердительном смысле». Избрание и.д. экстраординарного профессора по кафедре международного права в университет Святого Владимира (Киевского) стало для П.М. Богаевского способом поставить точку в конфликте. 12 января 1912 г. он написал заявление на имя ректора: «Я вынужден, как это ни тяжело, просить Ваше Превосходительство возбудить ходатайство об увольнении меня от занимаемой мною должности» [7. Л. 79 об.].

Н.Я. Новомбергский же, при всей своей нетерпимости к доносам, 23 февраля 1912 г. на имя ректора написал очередное заявление о «поведении» Б.М. Богаевского. Нет необходимости приводить все детали этого документа. Отметим лишь, что в нем Новомбергский посчитал своим долгом донести о том, как в разговоре со студентом П.М. Богаевский обронил фразу: «Не знаю, когда я уеду, но я постараюсь возможно скорее бросить эту помойную яму». «Мне кажется, – добавлял Н.Я. Новомбергский, – этим ответом профессор Богаевский нанес недопустимое оскорбление университету. Вышеприведенную фразу, помимо студентов, слышали присутствовавшие в лектории профессор Дочевский, помощник проректора г. Леонов и библиотекарьша Голштунская» [Там же. Л. 81].

П.М. Богаевский продолжал работать в университете до конца 1911/12 учебного года. Одно время он даже исполнял обязанности декана юридического факультета [6. Л. 126]. Гражданскую войну он пережил в Киеве, где жил по соседству с В.В. Шульгиным. Последний упоминает о профессоре в своих воспоминаниях [12. С. 177–178, 179]. После окончания войны П.М. Богаевский жил в эмиграции в Болгарии, работал профессором университета в Софии, где и умер в 1929 г. [4. С. 40–42]. Н.Я. Новомбергский преподавал в Томском университете до 1919 г. В советские годы продолжал заниматься наукой и преподавал в разных городах страны. В 1930-е гг. был репрессирован. В годы Великой Отечественной войны профессору Архангельского государственного педагогического института Н.Я. Новомбергскому была присуждена степень доктора исторических наук без защиты диссертации. Умер в Архангельске в 1949 г.

«Театральное представление» и публичный процесс подошли к концу. Законы драматургии подчас требуют раскрытия потаенных смыслов показанного. «Не могу оставаться профессором, – писал под занавес конфликта П.М. Богаевский ректору, – если не

буду в состоянии снять с себя то позорное пятно доносчика, которое наложено на меня группой лиц, возбуждивших против меня, решаюсь это сказать, положительно надолго» [7. Л. 78].

Выше уже упоминалось о приверженности дореволюционной русской профессуры ценностям автономии и независимости от власти. Эта традиция, освященная временем и уходящая корнями в историю, задавала некий нравственный императив, который делал донос или то, что признавалось таковым, явлением экстремальным.

Однако сложность научного бытия рассматриваемого периода определялась сосуществующей тенденцией: речь идет о корпоративно-административной этике. Между администрацией, ректором и, особенно, Министерством народного просвещения и попечителями, с одной стороны, и профессурой – с другой, простиралась пропасть глубинных противоречий, которые носили не столько политический, сколько бытийный, мировоззренческий характер. Один из представителей корпорации администраторов и наблюдатель рассмотренного конфликта И.А. Базанов, который вскоре после этих событий станет профессором юридического факультета Петербургского университета, писал: «Профессор Новомбергский в пространной речи высказывал свои претензии к профессору Богаевскому, выдвигая и антиакадемичность действий последнего, заключающуюся в том, что профессор Богаевский на эксцессы против него в печати реагировал не ответами только в газету, а рапортами университетскому начальству» [Там же. Л. 18]. Защищая свою честь и достоинство, профессор Богаевский находился перед выбором: либо обратиться за вердиктом к начальству и остаться «доносчиком», либо решать вопрос публично и стать гонимым властью инсургентом, потеряв возможность служить в Императорском университете.

Отметим, что профессор Томского университета М.А. Рейснер в период своего противостояния с «просветительской администрацией» в 1902–1903 гг. сделал выбор в пользу конфронтации. В апреле 1903 г. он был уволен из университета и навсегда покинул Томск. Возможность вновь преподавать в России он получил лишь по окончании революции 1905–1907 гг. [13].

Нелегкое балансирование между двумя этими тенденциями развития дореволюционной высшей школы досталось в удел многих профессоров. Быть может, именно эта двойственность в немалой степени определила накал конфликтов, разворачивавшихся по сценарию кодекса бесчестья.

Подобная моральная дуалистичность на заключительном этапе томского периода жизни для профессора П.М. Богаевского стала роковой. Оказавшись между Сциллой послушания и Харибдой независимости, он предпочел удалиться со сцены, оставив это противоречие неразрешенным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2707.
2. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления // Ярославский педагогический вестник. 2013, № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 18–31.

3. Свешников А.В. Как поспорил Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/sv7.html> (дата обращения: 26.07.2018).
4. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I. 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.
5. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск.
6. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 511.
7. ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 62.
8. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1061.
9. Русское слово. Ежедневная газета без предварительной цензуры. Москва.
10. Речь. Ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. Санкт-Петербург.
11. Утро Сибири. Общественно-экономическая, политическая и литературная газета. Томск.
12. Шульгин В.В. Тени, которые проходят / сост. Р.Г. Красюков. СПб.: Нестор-История, 2012. 688 с.
13. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. М.А. Рейснер и провинциальный аспект академических конфликтов в сообществе Императорского Томского университета // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. № 48 (2). С. 804–816.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 августа 2018 г.

Between the Scylla of Obedience and the Charybdis of Independence: The Conflict of Professors of the Imperial Tomsk University P.M. Bogaevsky and N.Ya. Novombergsky During the Autumn–Winter of 1911–1912

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 179–186.

DOI: 10.17223/15617793/448/22

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: professors; conflict; Tomsk State University; P.M. Bogaevsky; N.Ya. Novombergsky.

On the materials of archival documents and periodicals, the article studies the causes, circumstances and “behind-the-scene” aspects of the conflict between two professors of the Imperial Tomsk University P.M. Bogaevsky and N.Ya. Novombergsky during the autumn–winter of 1911–1912. The conflict unfolded during the period when the post of the minister of public education was held by L.A. Kasso, known for his policy of limiting academic autonomy. The starting point of the academic confrontation was the non-approval of the two elected deans of the Faculty of Law, I.A. Malinovsky and M.I. Bogolepov, in the 1910/1911 academic year. The discussion of the situation on the sidelines of the university in September 1911 became public when, allegedly, Professor Bogaevsky’s words on the issue of the election/appointment of the dean were published in the local newspaper *Sibirskaya Zhizn’*. The desire to protect his honor and dignity led Bogaevsky clash with Professor Novombergsky, who was suspected in publishing what was said in the professors’ restroom and at a meeting of the Council of the Faculty of Law. Bogaevsky’s attempt to solve the conflict through the mediation of M.N. Sobolev, the acting dean, and I.A. Bazanov, the rector of the university, turned into a public accusation of denunciation, which was published in two newspapers of the capital. Ultimately, the conflict resulted in a criminal trial, held in December 1911. The academic confrontation, which attracted the attention not only of professors but also of the wider circles of the inhabitants of the provincial town, is seen through the prism of a theatrical performance with its backstage life, scandal effect, and public aspects. It is emphasized that, despite the efforts of Bazanov, Kasso, and L.I. Lavrentyev, a trustee of the West Siberian School District, to reconcile the parties, the confrontation continued after Novombergsky withdrew his charges from the justice of the peace and the process ended in January 1912. It is concluded that the conflict was developed between the official corporate and democratic ethics within the corporation of pre-revolutionary Russia’s professors. To resolve the conflict, Bogaevsky was either to take on the charges of denunciation or to go against the administration. This ethical dissociation made this conflict insoluble, and the objective moral contradiction of the internal academic life was not the least reason that made Bogaevsky leave Tomsk in the autumn of 1912.

REFERENCES

1. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 2707. (In Russian).
2. Novikov, M.V. & Perfilova, T.B. (2013) The University Charter of 1863: Limits of the Academic Self-Government. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4 (1). pp. 18–31. (In Russian).
3. Sveshnikov, A.V. (2009) Kak possorilsya Lev Platonovich s Ivanom Mikhailovichem (istoriya odnogo professorskogo konflikta) [How Lev Platonovich quarreled with Ivan Mikhailovich (A Story of a Professorial Conflict)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 96. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/sv7.html>. (Accessed: 26.07.2018).
4. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar’* [Professors of Tomsk University. A Biographical Dictionary]. Is. I. 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.
5. *Sibirskaya zhizn’*. A political, literary, and economic newspaper. Tomsk.
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 511. (In Russian).
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 9. File 62. (In Russian).
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 1061. (In Russian).
9. *Russkoe slovo*. A daily uncensored newspaper. Moscow.
10. *Rech’*. A daily political, economic, and literary newspaper. St. Petersburg.
11. *Utro Sibiri*. A socio-economic, political, and literary newspaper. Tomsk.
12. Shul’gin, V.V. (2012) *Teni, kotorye prokhodyat* [Shadows that pass]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
13. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2018) M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University. *Bylye gody*. 48 (2). pp. 804–816. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2018.2.804

Received: 17 August 2018